

карнавал в языке и коммуникации

Коллективная монография

Москва

2016

УДК 81
ББК 81я43
К24

Ответственный редактор
Л.Л. Федорова

Рецензенты:
проф., dr hab. *Е. Бартмицкий (Люблин)*
д-р филол. наук, проф. *М.А. Кронгауз*
д-р филол. наук, проф. *Е.Е. Левкиевская*

Художник
Валерий Хотеев

*В оформлении использована репродукция
картины Рембрандта Харменса ван Рейна
«Автопортрет с Саскией на коленях»
(1635, Дрезденская галерея)*

ISBN 978-5-7281-1850-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

ЯРМАРОЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ЛУБОЧНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Ярмарка: литературные свидетельства
и тексты для народа

Описание культуры русского праздника – это почти всегда взгляд постороннего наблюдателя, а не участника. В большинстве случаев в роли такого наблюдателя выступает исследователь (этнограф или фольклорист), который записывает и некоторым образом интерпретирует тексты, используя для этого метаязык, относящийся к научному дискурсу. Между тем известны образцы письменной фиксации текстов, принадлежащих праздничной культуре, создатели и читатели которых сами бывали в толпе зевак, собиравшейся у ярмарочных балаганов. К источникам такого рода относятся всевозможные песенники и рукописные сборники, в которых записывались тексты, звучавшие на ярмарочной площади, а также лубочные картинки. Именно о лубочных картинках пойдет речь в настоящей статье.

О ярмарочных развлечениях XVIII–XIX вв., о жизни городской площади, где происходила ярмарка, писалось достаточно много. В XIX в. этнографы и просто любители старины охотно фиксировали все связанное с народным бытом. Тексты, сопровождавшие действия развлекательного характера, записывались и публиковались. Среди таких публикаций можно упомянуть: Гациский 1867, Гациский 1875, Кельсиев 1889, Симаков 1978. Эти записи чрезвычайно интересны, но, обращаясь к ним, следует помнить, что это взгляд стороннего наблюдателя, который фиксирует и описывает увиденное в соответствии с собственными представлениями о народной культуре и о нормах письменной фиксации

русских праздников и развлечений сочетаются с заимствованными сюжетами, восходящими к европейской или же к придворной культуре. В качестве образца лубочной фиксации исконно русских развлечений рассмотрим, например, известный лубочный листок про козу и медведя. На картинке изображены играющий на бала-тайке медведь и пляшущая коза. Совершенно очевидно, что это изображение восходит к знаменитой медвежьей потехе, когда перед зрителями выступали живой медведь и человек, наряженный в козу¹. Вот описание пляски медведя и козы из очерка С.В. Максимова «Сергач»²:

Промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шутками и пляскою ученых медведей не так давно был довольно распространен. <...>

– Ну-ко, Михайло Потапыч, поворачивайся! Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдишь: поразломай-ко свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев и тем низовым наречием, в котором слышится падение на мягкие буквы с некоторой задержкой или как бы коротеньким, едва приметным заиканием (каким говорят по всей правой стороне Волги), низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью; в правой руке у него была огромная палка-орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

<...> Другой проводник, молодой парень, стучавший в лупкошко и до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив оттуда грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название «козы». Мешок этот оканчивается наверху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают в такт уродливым прыжкам парня, который, перецлетая ногами,

время от времени подскакивает к медведю и щекочет его спиной вилами. <...> Медведь огрызается, отмахивает «козу» лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойней и в то же время сильно напевают вперед, отчего место пляски делается все уже и уже, и Тоштыгину собственной спиной и задом приходится очищать себе место (Максимов 1908–1913, XIII: 73, 77, 79; ср.: Народный театр 1991: 405–407).

Это описание коррелирует с лубочной картинкой, на которой не только изображены медведь и коза, но и помещен текст, описывающий драматургию этой сценки и кратко пересказывающий диалог:

Медвець сказою проклажаютца памузыке своеи забавляюцца невзначай надороге вьстретился / съказою медвець исталь нанеа пристально глядеть икоза ево стала спрашивать / разве ты меня не узналь какъ вишцо сомною вместе пошивали потеперь станемъ стобою веселитца итому стануть люди дивитца ты мой любезнай медвець заиграй вьвалаику аа молода коза поплешу теперь зато насъ стануть благодарить другои / вздумасть подарить ноимы заонне зрителемь отьдадимь почтение пасырной неделе / вьвоскресенье (Lubok 1984: 103).

Хотя коза и медведь являются персонажами не только медвежьей комедии, но и святочных гуляний, мы можем с уверенностью утверждать, что данный лубок связан с масленичными гуляньями, а не со Святками. Точная хронологическая привязка содержится в самом конце текста, где упоминается воскресенье Сырной седмицы, т. е. Масленица. Это значит, что действие лубка связано с Сырной седмицей, а не со Святками, которые длятся с Рождества (25 декабря / 7 января) до Крещения (6/19 января).

С исконно русскими развлечениями прекрасно сочетаются заимствованные сюжеты, которые исторически не имеют к русским реалиям никакого отношения. Наиболее ярким примером такого рода заимствований можно считать известный лубок «Славный объедала и веселой подпивала», в основе которого ле-

Рис. 1. Неизменные персонажи ярмарочных развлечений: медведь и коза. Лубочная картинка XIX в.

жит французская карикатура на Людовика XVI (Ровинский 1881, V: 18). В подписи к этой картинке имя французского короля не упоминается, и политическая карикатура превращается таким образом во вполне традиционное изображение любителя поесть и выпить. (Напомним, что обильная еда и питье являются непременным атрибутом праздничной площади.)

Рис. 3. Драка была неизменной частью ярмарочного действа.
Лубочная картинка второй половины XVIII века
«Фома, Ерема и Парамосшка»

прототипы. Это придворные шуты Анны Иоанновны Лакоста и Педрилло (Там же: 266–270). Функционально с шутами сближаются фольклорные братья-дураки, или «дурацкие персоны» (Фома и Ерема, Прохор и Борис). С позиции читателя лубочного текста границу между придворными дураками и народными дураками провести сложно, однако позиция исследователя предполагает их разграничение.

Языковые и текстовые особенности «Забавных листов»

«Забавные листы»³, фиксирующие различные аспекты жизни праздничной площади, имеют определенную специфику. Большинство жанров лубка имело письменный прототип, лежащий вне лубочной культуры. Составитель библейского лубка имел перед глазами текст Писания, создатели лубочной версии повестей о Бове-королевиче, Еруслане Лазоревиче или Петре Златые ключи опирались на рукописные тексты этих повестей, а работа авторов лубков «из Ведомостей»⁴ зачастую сводилась лишь к изменению орфографии газетных заметок. То есть сочинитель лубка не создавал письменный текст с нуля, а лишь в той или иной степени преобразовывал имеющийся у него источник. Лубки, связанные с устной культурой праздничной площади, письменных прототипов не имели. Создателям этих лубков приходилось самим решать, как записывать тексты, которые раньше не существовали в письменной форме. Ниже мы укажем на некоторые решения, которые составители этих лубков принимали в ходе своей работы.

Передача поэтических текстов

Тексты, звучавшие во время ярмарочного действия, в значительной части были ритмизованы (Некрылова 1988: 106, 112–113, 118, 131). Это раешные стихи, т. е. стихи, которые характеризуются не фиксированным количеством слогов и / или местом ударений, а в первую очередь рифмой. В книжной традиции графическое оформление поэтических текстов посредством стихотворных строк встречается уже в XVII в. Стихотворную строку последовательно использовали авторы славянских виршей. Однако лубочные авторы едва ли были знакомы с рукописными произведениями Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева. В их представлении длина строки ограничивается лишь границами того поля, на котором расположен текст. Поэтому раешный текст записывается в подбор, что, конечно же, затрудняет восприятие его как текста поэтического.

Приведем примеры из лубочных текстов (знак || указывает на стихотворную строку, оформленную рифмующимися с соседней строкой словами, знак / указывает на конец строки в напечатанном тексте).

Фомушка музыкантъ || даерема попохантъ || ѿома музыку
разу/меить || асерема свистать сщелкать їплесать хорошо умееть ||
ѿома/ толко что играть || асерема глазами мигать и жопою вилаеть ||
|| возг/оворить ерема даѿома || заиграйка старїную песню какъ мы
ст/обою рыбу ловили || тутъ чести неаслужилї конецъ ему сотворїлї
(Лубок 1984: 64)

Прохоръ даборись || поссорились подрались || заносы взяли
рукамї || / аребра ибока сщупали кулаками (Ibid)

Изволь кушать вареное || аслу/шай говоренос (Ibid: 20)

Из этих примеров мы видим, что стихотворная строка не совпадает с теми строками, на которое разделил текст гравер.

Просторечные формы

В отличие от текстов, написанных на литературном языке, лубок знает огромное количество просторечных слов и форм. Конечно, просторечные обороты встречались и раньше, например в сатирических текстах, которые уже с XVII в. переписывались в составе различных сборников. А в XVIII в. просторечные выражения широко использовались в комедиях, что кодифицирует М.В. Ломоносов в своей теории трех стилей⁵. Понятно, что создатель лубочных текстов не знал теории трех стилей, не читал комедий Фонвизина и не задумывался над проблемами употребительности того или иного слова. Он учился читать по Часослову и Псалтыри и был в той или иной мере знаком с церковной книжностью, а в некоторых случаях и с рукописной деловой традицией. Поэтому для него включение в лубок просторечной лексики – это решение, на принятие которого современная ему литературная практика повлиять никак не могла. По всей видимости, решающее значение здесь имело то, что создатель лубочных текстов не воспринимал эти слова как нечто выходящее за пределы нормы. Кроме того, исключить просторечные слова из

лубка часто было просто невозможно. Просторечные выражения экспрессивны, они выражают яркую эмоцию. Много просторечных слов встречается в раешных стихах, и отказ от них привел бы к разрушению рифмы. Перед составителями лубочных текстов стояли нормализаторские задачи, у них не было стимула исключать просторечную лексику и заменять ее на нейтральную, поэтому в «Забавных листах» просторечные выражения встречаются очень часто. Вот примеры представленной в лубках просторечной лексики:

будь доволенъ грибами:: адержи азыкь зазубами:: аще станешъ много вакать за то будутъ болпше бакать:: <...> изволь кушать сморчки чтобъ невыголькали втольчки (Lubok 1984: 20)

▲ вить васъ несамая а неотъодешъ сковородникомъ самараю (Ibid: 28)

поночамъ неУсыпаю все вамъ трыкам УслУгаю (Ibid: 29)

а у тебе уборъ хорошъ а харею весьма пригошъ (Ibid: 30)

Следует отметить, что просторечие фиксируется не только на лексическом уровне, но и на уровне грамматики. Отдельные слова имеют отличающиеся от литературной нормы род, тип склонения, множественное число появляется там, где литературный язык знает только ед. ч. и т. п.: *тебе в том потехи а мне худья смехи* (Lubok 1984: 39), *мою пузу* (Ровинский 1881, I: № 99), *утоляй брат свои скуки* (Там же: № 102), *на постелю* (Там же: № 111), *много утебя затеевъ положено* (Там же: № 111).

Употребляя по отношению к лубочным текстам термин «просторечие», мы отдаем себе отчет в том, что в лексической системе лубочной письменности такой категории не существует. Просторечие так же, как и славянизм, не является здесь стилистической характеристикой. Для автора лубочного текста просторечие – это обычное слово, не имеющее специфической окраски. И лишь исследователь, зная нормы литературного языка XVIII в., может обнаружить лексическую и грамматическую специфику лубочных текстов и описать ее как элемент языка русского города XVII–XVIII вв.

Церковнославянизмы в развлекательных листах

Лубочные листы развлекательного характера содержат существенную информацию о городском фольклоре. Однако это не прямая фиксация речи праздничной площади. Лубочные тексты – это литература на основе фольклора. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в них активно используются церковно-славянская лексика и грамматические формы. Появление славянизмов связано с той письменной традицией, к которой принадлежат авторы лубков. Совершенно очевидно, что славянизмы проникают в «Забавные листы» не непосредственно из церковных книг. В роли посредника между церковной книжностью и фольклором здесь выступает традиция городской литературы. Литературные произведения XVII в., известные литературоведам под названием «демократическая сатира», являются прямыми предшественниками лубочных текстов. Написанные на русском языке, они содержат достаточно большое количество славянизмов. Таким образом, славянизмы связывают лубочные тексты не с церковной книжностью (как этого можно было ожидать), а с традицией светской литературы.

Когда текст, звучащий на городских праздниках и ярмарках, при записи пополняется церковно-славянской лексикой, это говорит о том, что составитель лубка осознал (или чувствовал) разницу между его письменным и устным вариантами. Пишущий понимал, что письменный язык кардинально отличается от устного, и старался преобразовывать устный текст, основываясь на своем представлении о том, как принято писать в книгах. Он пытался придать записываемому тексту новый статус, сделать его фактом письменной культуры. Таким образом, можно сказать, что славянизмы служили средством превращения устного текста в письменный. Приведем примеры лексических славянизмов в лубках развлекательного характера.

расуди самъ себе ивнемли какъ можно поднать зземли
(Lubok 1984: 20)

ибо село мне показалася миленка что желка твоя крУтенка
(Ibid: 28)

токмо намена негневитеса зра намою персону веселитеса а
хота и н<e>взращенъ токмо кажус<ь> страшень (Ibid: 30)

Кроме лексических славянизмов, в развлекательных лубочных текстах встречаются морфологические и синтаксические славянизмы. Это могут быть отдельные формы простых претеритов, форма инфинитива на *-ти*, форма презенса 2 л. ед. ч. на *-ши*, отдельные окончания церковно-славянского склонения, союзные средства⁶: *онъ тебя охмелить и адъцими челюстями наградить* (Ровинский 1881, I: № 114), и *приблизися вечеръ* (Там же: № 115), *рече диаволь* (Там же: № 115), *яга баба едетъ скоркодиломъ драгися на свинье спестомъ* (Lubok 1984: 27), *обрегати, невдати, пити, дуплиту* (Ровинский 1881, I: № 107), *подпела рыло ибо ей стало мило* (Там же: № 111); *видиши пищат трубы яко кошки* (Там же: № 102), *усердно приими дабы тебѣ было въстно* (Там же: № 119); *аще содружится со мною кая власть, постигнетъ его лютая напасть, аще содружится со мною протопопъ, и шнѣ будетъ глупый пустопопъ* (Там же: № 107) и т. д.

Степень включения славянизмов в «Забавные листы» может быть разной. В некоторых листах славянизмы полностью отсутствуют. Но имеются и такие тексты, язык которых может быть охарактеризован как гибридный церковно-славянский. В приведенном ниже примере лубочный текст является чем-то промежуточным между распущим стихом и церковно-славянскими виршами:

Защеже неидишь ссмъ свете утшаю<сь> // много бо множество втомъ сане подобныхъ мне вида нечто увеселяюсь // Ныне мне въ свете ничего кроме терпение неосталось // ишпримерь техъ которыхъ мужамъ злыхъ женъ гулянье паверсталось (Lubok 1984: 54)

Графика и орфография

С книжной традицией XVII в. связано и графико-орфографическое оформление лубочных листов, которое не зависит от жанра и является общим для всей лубочной письменности. Лубочная графика тяготеет к церковной, а не к гражданской кириллице. Во многих текстах вместо *я* пишется *ѧ*, вместо *у* – *У*, *оу*, в лубках встречаются буквы *ѡ*, *ѣ*, *ѥ*, отсутствующие в русской азбуке. В некоторых текстах встречаются выносные буквы и диакритические знаки. При этом орфография лубочных текстов не имеет ничего общего с орфографией церковных книг XVII–XIX вв. Церков-

но-славянская орфография этого времени представляет собой строгую систему со сложными правилами распределения дублетных букв и постановки надстрочных знаков. Составитель лубочных текстов, безусловно, изучал азы грамоты. При этом, умея читать, он никогда не учился писать, и сложные правила церковно-славянской орфографии ему не были знакомы. Незнакомы составителю лубков были и правила русского правописания. В лубках редко встречается буква ъ, а если и встречается, то далеко не всегда на месте. Распределения букв *и/і* в зависимости от последующей буквы лубочные листы не знают. Орфография лубочных текстов изобилует фонетическими написаниями, что, несомненно, указывает на отсутствие какого-либо систематического образования у составлявшего тексты:

ахто ково поборить невсхваткУ томУ два ица всматкУ
(Lubok 1984: 31)

ерема сель влоткУ (Ibid: 34)

ѡдай блядин сынъ воръ мово петуха вить тем nebudeт сыта
твоа требуха (Ibid: 40)

Лубочный текст может быть источником, указывающим на реальное произношение в московском городском койне. Так, например, в лубках фиксируется московское произношение *чи* как (ши):

ерема горемышны песни занель (Lubok 1984: 34)

а хотѧ и н<е>взрашенъ токмо кажу<сь> страшень (Ibid: 30)

Еще одной архаической особенностью лубочного правописания являются правила словоделения, вернее, их отсутствие. Тексты, которые мы цитировали выше, делятся на слова, но, как это обычно бывает в лубках, предлоги, союзы и частицы в них часто пишутся слитно с последующим или предыдущим словом. Однако лубок знает и сплошной текст, без словоделения:

котьказа/некоиаумъаистра/ханскоп/сусасте/рскопел/ав-
ножил/ѡслатко/ельслапк/обздель (Lubok 1984: 18) парамонкас-
сьвоскоювкартыигралъинапарамонкасавоску / обыгралъвсавоскав-
кошелекъбросилслажноодинъгрошь / очутілсмастальевопересме-
хатъионъстальнасебеволосыдра (Ibid: 33).

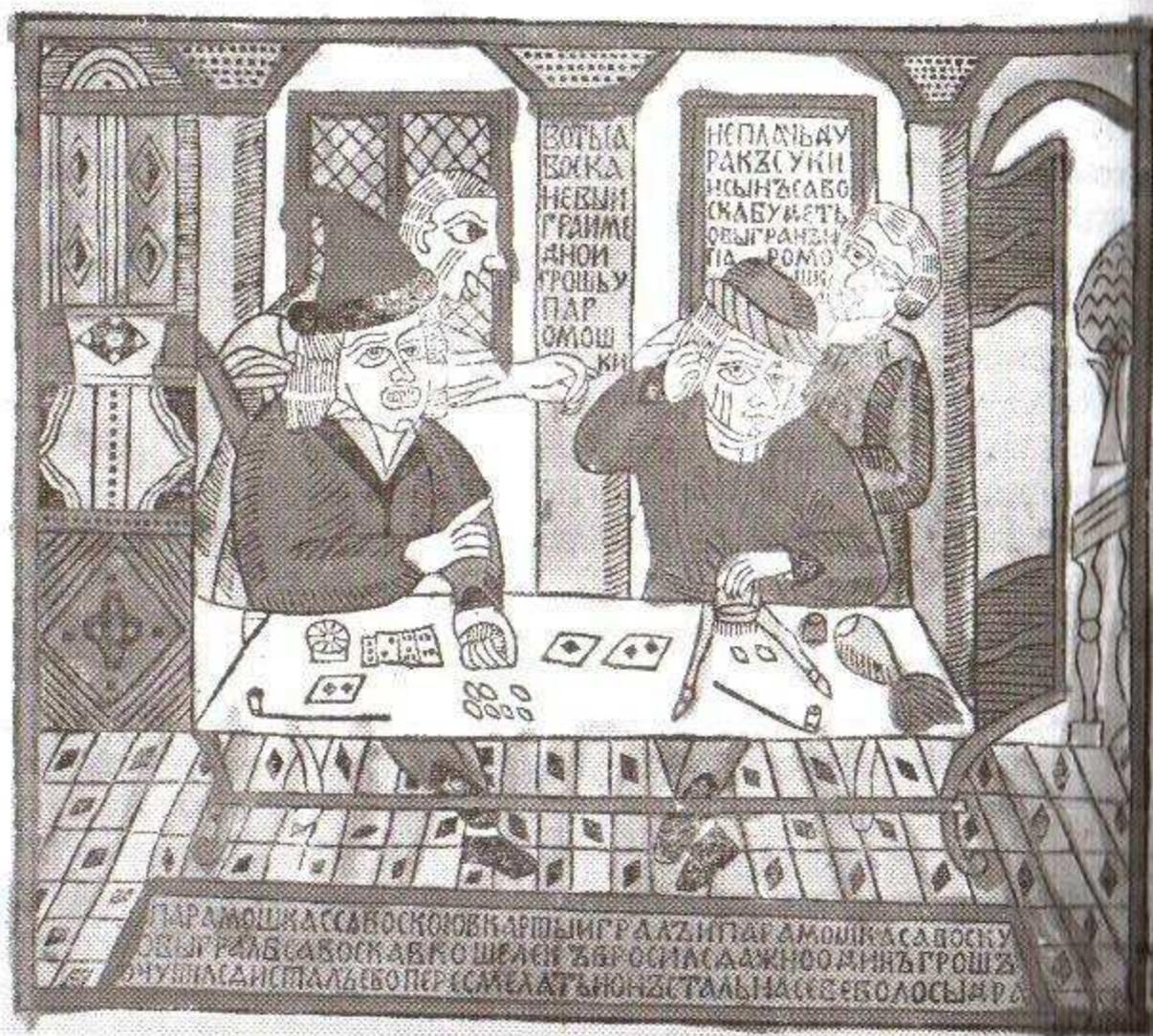

Рис. 4. Азартные игры входили в число полузапрещенных городских развлечений. Лубочная картинка второй половины XVIII в. «Парамошка с Савушкой в карты играл»

Отсутствие обозначения границы знаменательного слова является явным анахронизмом. Уже со времен Ивана Федорова книги печатались с разделением на слова.

«Забавные листы» – это уникальный для лубочной письменности случай непосредственной трансформации устного фольклорного текста в письменный. Авторам лубка приходится в письменной форме воспроизводить речные стихи, фиксировать

словесные формулы ярмарочного действия и т. д. Но перед нами не механическая запись фольклора. «Забавные листы» дают возможность увидеть те законы, в соответствии с которыми происходит трансформация голосов ярмарочной площади в письменный текст.

Примечания

¹ На некоторых лубочных листах в действии также участвует барабанщик (Нскрылова 1988: 57). С этим второстепенным персонажем медвежьей потехи связан фразеологизм «отставной козы барабанщик». Вот как комментирует это выражение В.И. Даль: «Отставной козы барабанщик, от обычая водить медведя с мальчишкою, наряженным козою, и с барабанщиком; говор<ится> на похвальбу отставного службою своею» (Даль 1989–1994, I: 46).

² «В наших северных великороссийских губерниях обычай водить медведя усвоен жителями известных местностей; большею частью водят татары Сергачского уезда Нижегородской губернии. И вот происхождение названия сергача, которое переходит с хозяина-поводыря и на мохнатого плясуна; один проводник остается при своем неизменном названии – козы. Имя сергач сделалось в последнее время до того общим, что будь поводырь из Мышкина (Ярославской губернии), владимирец, костромич, ему непременно дается имя нижегородского городка» (Максимов 1908–1913, XIII: 73–74).

³ «Забавные листы» – название рубрики, в которую Д.А. Ровинский помещает лубочные тексты, связанные со смеховой культурой праздничной площади (Ровинский 1881, I: 303–500).

⁴ «Известия из Ведомостей» – название рубрики, в которую Д.А. Ровинский помещает лубочные тексты, являющиеся переработками газетных статей (Ровинский 1881, II: 56–152).

⁵ «Низкий штиль принимает речения третьего рода, т. е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских общеупотребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эниграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля» (Ломоносов 1950–1959, VII: 589–590).

Карнавал

в языке
и коммуникации

Иркутский университет